

Философские искания героев Джона Гарднера (на материале романов «Падение Агатона», «Грендель» и поэмы «Ясон и Медея»)

В книге Дж. Гарднера «О нравственной литературе», вышедшей в 1978 году, проявилось стремление писателя понять современные общественные процессы, найти возможный позитивный выход из создавшегося нравственного безвременья. В этом заключается диалектичность мышления выдающегося прозаика XX века, которая имеет определяющее значение во всем его творчестве.

Окружающая реальность в произведениях писателя рассматривалась как вечное движение, эволюция в пространственно-временном круговороте. Он воспринимал историю как динамический процесс, сущностью и движущей силой которого являются противоречия между людьми, народами, культурами. История в его книгах выступала не хаотичным и бессмысленным чередованием событий – Гарднер обнаруживал в их развитии глубоко скрытые философские законы. Так, основным законом бытия у Гарднера выступал принцип столкновения противоположностей. Столкновение противоположностей высекает искру истины, то есть, содержание абсолютного присущего и находящегося в постоянном движении бытию, и каждому моменту познания человеком объективной реальности. Гарднер не рассматривал разрешение конфликтов как установление гармонии. Напротив, он предполагал возникновение и развитие новых конфликтов и противоречий, – именно в этой особенности его мышления сказалась глубина гарднеровского историзма.

Писатель активно выступал против релятивистских позиций в отношении морали, злободневной проблемы современной западной мысли. Как и многие представители культуры, Гарднер достаточно скептически относился к состоянию современной философии, не способной дать современному человеку цельного видения мира и личности: «Мы концентрируем внимание на индивидах, при этом игнорируя универсалии.

Средневековая и древняя философия, напротив, тяготела к универсализации» [5, с.15]. Исходя из этого убеждения, художник призывал современную литературу как единственную, по его мнению, духовную силу современности «понять и выразить человеческую натуру, место человека в универсуме, значение человека» [5, с.17]. Цель современной литературы Гарднер видел в победе над нравственной энтропией современного буржуазного общества.

В последовательном споре Гарднера на страницах своих книг с литературой нигилизма, во многом, на помощь приходило его основательное гуманитарное образование и богатая эрудиция. Но Гарднер не ограничивался знанием истории гуманитарной мысли, он также часто обращался к основополагающим теориям современной науки, пользовался терминами из областей современной физики и математики. Основопологающие философские и эстетические суждения Гарднера определяет понятие энтропии. «Молчаливая планета, опять временно путешествующая, как камень со старыми городами, пока пространство снова не пошлет жизнь», – писал Гарднер в поэме «Ясон и Медея», – «...и снова весь мир, который любили и над которым смеялись, исчезает, как снег, как холодная аллегория» [4, с.12]. Процесс энтропии, как известно, при достижении своего максимума в замкнутой системе приводит к тепловому равновесию, и развитие системы останавливается. Существует тенденция среди философов и писателей применять этот закон к миру в целом и распространять на общественные процессы. Примером может служить творчество Томаса Пинчона (один из его рассказов так и называется «Энтропия», 1960г.). Джон Гарднер не переносит механически понятие энтропии на духовное развитие человечества, а вкладывает в него «очеловеченное» содержание. Энтропия становится символом всеобщей индифферентности – каждый человек превращается в замкнутую герметичную систему, что означает с точки зрения художника смерть «сообщества людей». К понятию энтропии писатель пришел через осмысление истории цивилизации как постоянного развития вперед по закону противоречия. Поэтому действие и сюжеты

произведений Гарднера построены по принципу противопоставления – в основе каждой книги лежит идея столкновения, конфликта идей, мировоззрений персонажей, которые в своём логическом завершении, по мысли автора, воплощают аристотелевскую идею катарсиса.

Эстетическая задача Гарднера была тесно связана с его призывом создания искусства нравственного, искусства больших гуманистических идей, находящего свое выражение в формах современного реализма. Принципы, которые определил Гарднер в книге «О нравственной литературе» формировали практически все произведения писателя. Уже в ранних романах «Падение Агатона»(1970) и «Грендель»(1971) ставился вопрос о нравственности, этичности позиций героев.

В «Падении Агатона» главный герой, Агатон, представляет одну сторону из трехсторонней дискуссии, центральным вопросом которой является вопрос о выборе наилучших моральных и нравственных норм для человеческого общества. Агатон, революционно настроенные хелоты и Ликург ведут споры. В романе представлены различные этические системы семи веков античной истории. Гарднер показывает несовершенство любого ограничения, особенно если «придуманные» законы не имеют никакого отношения к человеческой душе. Агатон задает себе вопрос, возможно ли существование общества по этим законам, столь противоречивым человеческой душе? И не находит на него ответа. Агатон начинает длинную вереницу гарднеровских «мыслящих» героев, которые пытаются найти ответы на вопрос о сущности и смысле человеческого бытия.

В 1971 году вышла книга Гарднера «Грендель», сказочное повествование о тех временах, когда рядом с человеком в преданиях, былях и небылицах существовали мифические существа: драконы, гоблины, грендели. Гарднеровский Грендель заимствован писателем из древнего англосаксонского эпоса о «Беовульфе», который дан в современном переложении. В предисловии Гарднер указал, что хотел отразить главные

идеи западной цивилизации, и образ мышления его героя представляет сплав современных философских течений.

Читатель смотрит на события глазами самого Гренделя-рассказчика, постороннего в новом общественном бытии, аутсайдера. Герой Гарднера «переболел» философией экзистенциализма: «Мир – всего лишь бессмысленный случай... Я существую, более ничего. Мир был ничто: механический хаос случайностей, жестокой скуки, на которую мы глупо возлагали наши надежды и страхи» [3, с.17]. В его размышлениях слышны отзвуки философских систем Фр. Ницше, Л. Витгенштейна, других философов, определивших, наряду с экзистенциалистами, духовный климат современного общества отчужденных людей, процесс нравственной энтропии человечества. Грендель выступает как символ индивидуализма, играющего, по мнению писателя, доминирующую роль в мировоззрении современного западного человека. Абстрактные отношения «Грендель – племя» художественно моделируют переломное время рождения новой эпохи. Смерть Гренделя воспринимается не как бессмысленный случай, а как обусловленное завершение предыдущих событий: случайность как внешнее проявление подчиненного законам бытия. В романе отчетливо выражена философская антитеза «индивидуальное – общее» («Грендель – племя»). Герой, отгородивший себя от общества, рассматривающий мир исключительно сквозь призму своего сознания, обречен на гибель. Человек, подобный Гренделю, «эгоцентричен» (self-centered) и потому, сначала духовно, а затем физически умирает. Всю современную западную цивилизацию писатель называет «эгоцентричной», справедливо полагая, что страшная обыденная психология «исключительно личного счастья» обусловлена проникновением философии иррационализма в сознание отдельного человека.

В форме сказочного повествования Гарднер представил альтернативу современной «эгоцентричной» цивилизации – единицей общества должен

быть не один человек, а личность в ее неотъемлемых связях с сообществом людей.

Идея «сообщества людей» у Гарднера генетически связана с концепцией цивилизации английского писателя и философа Робина Джорджа Коллингвуда (1889-1943). Влияние этого философа отразилось, в частности, и в «Гренделе» и в дальнейшем творчестве Гарднера. Вслед за английским философом Гарднер стремился представить историю как единый закономерный процесс, в котором каждая ступень развития закономерна и в то же время своеобразна, находится в «напряжении». В «Эссе о метафизике» Р.Дж.Коллингвуд писал: «Одна фаза превращается в другую, потому что она находится в состоянии неустойчивого изменения. Ее структура не покоится, она всегда находится под напряжением. Где нет напряжения, там нет истории» [2, с.74]. Понятие «напряжения» (tension) Гарднер называл иначе, «растущей ошибкой» (built-in mistake) [6, с.140], подчеркивая, таким образом, изменчивость бытия и общественного развития. Гарднер считал, что каждая эпоха содержала характерную именно для нее «растущую ошибку». Эпоха Возрождения, мыслители которой стремились создать homo universalis, по мнению писателя, повернула философию к проблеме субъекта истории – человека. За проблемой человека скрылись проблемы природного и общественного бытия, человек стал рассматриваться философами в отрыве от окружающей реальности. Так, духовное наследие эпохи Возрождения и определило «растущую ошибку» современной цивилизации – ее «эгоцентрический» характер.

Противоречие между человеком и обществом было подмечено еще просветителями. Д.Дидро писал в «Монахине»: «Человек создан для общества, отделите его, изолируйте, и его идеи станут хаотичными, его характер извратится, множество уродливых страстей возникнет в его сердце» [1, с.145]. Предчувствия просветителей отразились в их философских тезисах и рассуждениях. Гарднер, писатель позднебуржуазного общества, размышляет на живом историческом опыте американского кризиса духа,

взращенного на философиях индивидуализма и прагматизма, поэтому столь близкой писателю оказывается идея Коллингвуда о будущей эпохе «сообщества людей». Важно отметить, что Коллингвуд исходил из принципа развития «свободной воли» человека как основополагающего в развитии цивилизации только в случае, когда все члены общества утверждают себя как общую и единую волю (отдельно, как индивидуальную волю, и совместно, как общественную). Иначе говоря, человек в философии истории Коллингвуда выступает не только как отдельный индивид – природа его является также и всеобщей. Идее «сообщества людей» Гарднер остался верен на протяжении всего творчества. Тем не менее, следует отметить, что попытка американского писателя выстроить свою концепцию исторического прогресса, в основе своей оказывается построением философии культуры, исследованием исторического развития человеческой мысли.

В 1973 году вышла в свет философская поэма Дж.Гарднера «Ясон и Медея», написанная гекзаметром и восходящая к мифу о странствиях аргонавтов. Герои поэмы, Ясон и Медея, воплощают две крайние жизненные позиции. Если Медея видит весь смысл своей жизни только во всепоглощающей любви, то Ясона автор называет «рабом интеллекта».

Очевидно, что в образах поэмы Гарднер искал путь к созданию больших жизненных философских обобщений. За коллизией «Ясон – Медея», или «разум – чувство», Гарднер подразумевал односторонний подход философии нового времени к современному человеку. Универсализм личности эпохи Возрождения был постепенно утрачен вследствие «растущей ошибки» на протяжении последних четырех веков, и личность стала рассматриваться либо рационалистически, либо субъективистски.

Философский пафос поэмы направлен против современных Ясонов, «рабов интеллекта», пытающихся соединить в своем мировоззрении крайний субъективизм с прагматизацией человеческих отношений, этических норм и «вечных ценностей»: «Цивилизация, берегись, если Ясон явится для тебя примером!» [4, с.178]. Гарднер не устал подчеркивать, что любая

философия, построенная на противопоставлении сознания и бытия, человека и общества, имеет своим практическим следствием разрушение нравственности и человека как личности. Такова «этика предательства» Ясона. Герой поэмы обосновывает эту «этику» тем, что сама природа существует по закону предательства и, следовательно, нет смысла говорить о каких-либо нравственных нормах поведения, поэтому для достижения своей цели Ясон действует по принципу «цель оправдывает средства». В результате единственным ориентиром в действиях Ясона оказывается только его индивидуальная, субъективная воля, его личное желание, ставшее основой релятивизма его поведения: «все является верным только в соответственном месте и в соответствующее время» [4, с.150].

Философии Ясона противостоит позиция восточного купца Копрофороса. В его речах человек выступает как единое целое, «чьи страсти имеют такую же ценность, как и его искусный ум» [4, с.168]. Сюжет поэмы построен таким образом, что диалоги Ясона и Копрофороса превращаются в художественное доказательство действительности принципов последнего. Несмотря на то, что аргументация Копрофороса, казалось бы, терпит поражение, кроме поверженного купца и торжествующего Ясона есть еще и сам автор, не отступающий от главного для себя тезиса: «нравственность – бесконечно сложный, слишком сложный для познания процесс – должна иметь целенаправленный характер» [4, с.165]. Гарднер всегда считал, что «человек не должен быть эгоистичным, он должен быть добрым, иметь благородное сердце и делать все, по меньшей мере, во имя разумной цели» [5, с.251].

В поисках героев «Гренделя» и «Ясона и Медеи» нашли отражение основные философские интересы писателя, а именно: проблема преемственности или отрицания философских идей XX века, проблема добра и зла, проблема соотношения свободы воли и необходимости. В этих книгах отчетливо прозвучал голос писателя гуманиста. В аллегорической форме Гарднер воплотил мысль о человеке как субъекте истории, который в своем

развитии должен достичь духовного и физического единства. «Физическое заложено в человеке генетикой – одной ногой он находится в детерминированном физическом универсуме, иначе говоря, бытие диктует человеку законы необходимости. С другой стороны, человек обладает свободой воли, выступает носителем разума как основы нравственного выбора – и он всегда имеет выбор, так как вторая его нога свободна» [4, с.175].

Список литературы

1. Дидро Д. Монахиня. Племянник Рамо. – М., 1973. –145с.
2. Collingwood R.G. An Essay on Metaphysics. Ind., 1940. –174 p.
3. Gardner J. Grendel. – N.Y.: Knopf. 1971. – 190 p.
4. Gardner J. Jason and Medea. – N.Y., 1973. – 184 p.
5. Gardner J. On Moral Fiction. – N.Y.: Basic Books, 1978. – 250 с.
6. The Radical Imagination and the Liberal Tradition. Interview with English and American Novelists. Lnd., 1982. – 140 p.